

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-280-293>

<https://elibrary.ru/SCCMAQ>

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

М.Ю. Люстров
ДИДАКТИКО-НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ СОЧИНЕНИЯ
В РУССКИХ И ШВЕДСКИХ ПЕРЕВОДАХ НАЧАЛА XVII В.

Аннотация: В статье проводится сопоставительный анализ русского (с греческого, 1607) и шведского (с немецкого, 1603) переводов басен Эзопа. Если перевод Ф. Гозвинского становился объектом изучения отечественных исследователей, то шведское переложение Н.Х. Балка занимало их крайне мало, и в предлагаемой статье оно рассматривается достаточно подробно. Сравнение отдельных басен из двух «северных» сборников позволяет обнаружить некоторые закономерности, не заметные при исследовании лишь русских или шведских вариантов текста. Так, по нашим наблюдениям, шведские басни насыщены предметными деталями, появляющимися, как правило, в тех случаях, когда действие производится главным, названным в заглавии персонажем; в свою очередь в русских версиях подобные детали встречаются существенно реже и появляются вне четко формулируемых правил. Кроме того, в отличие от русского, в одном шведском тексте речь может идти не только о премудрости, но и о глупости (героев или как таковой). Вероятно, таким образом автор шведского перевода басен Эзопа пытается сделать тексты более доступными и привлекательными для читателей-простецов. Кроме того, в статье рассматриваются появившиеся во второй половине XVII в. русский и шведский сборники пословиц и выявляются их связи с книгами переводов басен Эзопа.

Ключевые слова: басни Эзопа, русская литература XVII в., шведская литература XVII в.

Mikhail Yu. Ljustrov
DIDACTICAL AND EDUCATIONAL WORKS IN RUSSIAN
AND SWEDISH TRANSLATIONS OF THE BEGINNING
OF THE 17TH CENTURY

Abstract: The article provides a comparative analysis of Russian (from Greek, 1607) and Swedish (from German, 1603) translations of Aesop's fables. If F. Gozvin's translation became an object of study by domestic researchers, then Swedish translation by N.Kh. Balk took them very little, and in the proposed

article it is considered in sufficient detail. A comparison of individual fables from two “northern” collections reveals some patterns that are not noticeable when studying only Russian or Swedish versions of the text. So, according to our observations, Swedish fables are full of subject details that appear, as a rule, in those cases when action is performed by the main character named in the title; in turn, in Russian versions, such details are much less common and appear outside of clearly formulated rules. In addition, unlike Russian, in one Swedish text it can be not only about wisdom, but also about stupidity (of heroes or as such). Probably, in this way the author of Swedish translation of Aesop’s fables is trying to make texts more accessible and attractive to the simple readers. In addition, article discusses the ones that appeared in the second half of the 17th century. Russian and Swedish collections of proverbs and their connections with books of translations of Aesop’s fables are revealed.

Keywords: Aesop’s fables, Russian literature of the 17th century, Swedish literature of the 17th century.

На протяжении XVII в. в Швеции выходили книги, состоящие из ста коротких рассказов, мифологических, нравоучительных или басенных. Так, в 1646 г. в Стокгольме был издан сборник “Centuria Historiarum”, представляющий собой шведский перевод ста «историй», выбранных из труда немецкого профессора математики, физики и поэзии Питера Лауремберга “Acerra Philologica”. В свою очередь работа Лауремберга состоит из 400 «историй», разбитых на 4 главы по сотне в каждой. Ранее, в 1603 г., в Стокгольме была издана книга “Hundrade Esopi Fabler”, включающая сто басен «различного происхождения» [6, р. 161] {в том числе текстов Эзопа, собранных профессором университета Ростока, поэтом и драматургом Натаном Хитреусом (1543–1598)}, приложение, предисловие Мартина Лютера, составленное им в 1530 г., и сокращенную биографию Эзопа. Немецкий оригинал вышел в 1571 г. и регулярно переиздавался. Автором первого, по наблюдению исследователей, весьма точного шведского перевода Эзопа стал Николаус Хенрик Балк (1540–1611), школьный директор, пастор в Сёдерманланде и переводчик сочинений преимущественно духовного содержания.

В России первый перевод басен Эзопа появился в 1607 г., был выполнен переводчиком Посольского приказа Федором Гозвинским и получил название «Притчи, или Баснословия Езопа Фриги». Сравнение русского переложения с его греческим источником, изданием

Бона Аккурсия, проводилось Р.Б. Тарковским и Л.Р. Тарковской [2], сопоставление шведского перевода с немецким оригиналом в число наших задач не входит, и в предлагаемой работе рассматриваются наиболее значимые отличия вариантов двух осуществленных практически одновременно русского и шведского переводов эзоповских басен.

Начнем с очевидного — со сравнения включенных в каждую книгу стихотворных фрагментов: виршевого предисловия у Гозвинского и рифмованных вкраплений — шведских и (значительно реже) латинских — в переводах Балка. Примечательно, что в обеих книгах наличие в них двустуший подчеркивается специально: «вирши сии почасту прочитавай // И книги сей на стихи истолкования не забывай» в конце русского стихотворного предисловия¹, и «как гласят эти прекрасные рифмы» — перед четверостишием, завершающим шведский перевод басни «Орел и лисица»² («О Лисице и Орле») и развивающим мысль о необходимости иметь терпение [6, s. 88]. Рассуждая об указанном двустушии, Р.Б. Тарковский и Л.Р. Тарковская отмечали, что эти «два тривиальных стиха, эмоционально и психологически выпадающие из строя стихотворения» и, добавим, отсутствующие в более раннем списке ГИМ (собр. А.С. Уварова, № 170), принадлежат неизвестному сочинителю [2, с. 456] и являются своеобразным комментарием к стихотворению Гозвинского. По мысли русского автора двустушия (кем бы он ни был), рифмованный текст призван способствовать лучшему запоминанию «истолкования», для шведского же переводчика, кроме прочего, доставлять читателю эстетическое удовольствие (в немецком оригинале эти рифмы охарактеризованы как “schöne”). От русских стихов требуется поучительность, от шведских — поучительность и красота.

Очевидно также, что шведские версии басен пространнее и явно информативнее русских: например, в русском переводе басни «Кузнечик и муравьи» — «О конике, сиречь о кузнечике, и о муравле» — говорится лишь, что «Коник же умирающе просиша у муравлей пища», в шведском же переложении — «О Муравье и Кузнечике» — кузнечик просит милостыни, жалобно стонет и рассказывает о том,

¹ Собрание рукописных книг Н.С. Тихонравова. Ф. 299. № 229. Л. 245–245 об.

² Названия басен Эзопа даются по изд.: [3].

как велик мучающий его голод. С отповедью кузнечнику выступает старый муравей, и в конце повествования смена лета зимой уподобляется смене человеческой юности старостью. В отличие от русского перевода басни «Лягушки» («О жабах»), в шведской версии («О двух мучимых жаждой Лягушках») подчеркивается, что после долгих поисков нового пруда лягушки изнывали от жажды, и этим объясняется желание одной из них скорее броситься в найденный ими глубокий водоем. Точно так же, в отличие от русского перевода басни «Бесхвостая лисица» («О лисице»), где отмечается лишь, что «лисица в сѣть впадши, и отсѣкшися у нея ошиби» [2, с. 213], шведская версия («О бесхвостой Лисице») содержит рассказ о потерянном хвосте: богатый крестьянин заметил прокравшуюся через отверстие лису, схватил ее за хвост, и той ради спасения жизни пришлось хвостом пожертвовать [6, s. 189].

С пространностью шведских вариантов басен Эзопа связана их большая, чем в русских аналогах Гозвинского, насыщенность деталями. Шведские тексты представляют собой ряд сценок, содержащих подробное описание антуража и жестов ее участников. Так, в басне «О Скрыге» отмечается, что раздосадованный герой рвал волосы и бороду, в басне «О Жаворонке и Птицелове» уточняется, что птичка сидела на дереве; если в русской версии басни «Гадатель» («О ворожее, сиречь о волхве») говорится, что некто увидевший прорицателя, бегущего к своему разграбленному дому, задал ему вопрос, то в шведском варианте («О Предсказателе») этот некто схватил прорицателя за одежду; если в русском переложении этой басни уточняется, что волхв сидел на площади и беседовал, то в шведский вариант включена предыстория, из которой следует, что предсказатель гадал по руке; наконец, в басне про господина и двух собак лишь в шведской версии сказано, что рабочих быков хозяин не просто убил, но убил, взяв за рога и ударив по затылку.

В отличие от русских, в шведских переложениях детали, как правило, называются максимально определенно. Так, если в русском переводе басни «Зайцы и лягушки» говорится, что испугавшиеся зайцев лягушки сидели «окрест» озера, то в шведской версии — что они сидели на траве; если в русской версии басни «Осел, лисица и лев» утверждается, что обманутый осел угодил в некое «пагубное место», то в шведском переводе — в «тайную ловушку».

Некоторые же отсутствующие в пословном переводе Гозвинского детали шведских переложений басен Эзопа картинку не создают и несут дополнительные, не существенные для разворачивающегося действия сведения. Например, в отличие от варианта Гозвинского, в шведской версии басни «Волк и журавль» («О Журавле и Волке») волк не просто подавился костью, но подавился костью, съев овцу (съеденная волком овца упоминается и в голландском сборнике “*Vorstelijcke warande der dieren*” (1617) Й. ван ден Вондела [9]), в переводе басни «Лев и лиса» («О Льве и Лисе») звери навешают якобы больного льва, потому что узнали о некоем составленном им завещании, в переложении басни «Осел в львиной шкуре» («Об Осле в львиной шкуре») разоблаченного осла отправляют на мельницу, в переложении басни «Угольщик и сукновал» («О Белильщике и Угольщике») упоминаются мыло, дым и сажа, в переложении басни «Человек и сатир» («О Лесовике и Крестьянине») человек дует на горячую кашу, в переложении басни «Пес и волк» («О Собаке и Волке») избежавшая смертельной опасности собака перебирается не наверх, как в переводе Гозвинского, а на сеновал, в переложении басни «Павлин и галка» («О Павлине и Галке») подробно описывается не упоминавшийся в русском переводе хвост павлина, а шведская басня «О Льве и о Волке» заканчивается насмешливым вопросом лисицы, нет ли у умирающего волка намерения отправиться в баню.

Кажется, в отличие от русского, шведский читатель переводов басен Эзопа получает полное представление об описанном действии, видит картинку и знает обо всех связанных с героями предметах и объектах. Русскому же читателю неизвестно, кость какого животного застряла в горле спасенного журавлем волка, каким документом разоблаченный лисой лев заманивал животных в свое логово и каким блюдом на глазах сатира обжигался человек.

Между тем случаи, когда русские читатели узнавали о происходящем в басне больше, чем их шведские коллеги, хоть и нечасто, но встречаются. Например, в русской версии басни «Рыбак и рыбешка» («О рыболове и рыбице смариде») название рыбы повторяется в начале текста; в шведском варианте указание породы рыбы отсутствует, и басня получает название «О рыбаке и маленькой Рыбке». Лишь в русском переводе басни «Мул» сказано, что мул растолстел, потому что ел ячмень. В русском переводе басни «Орел и лисица» отмечается,

что лисицыно гнездо находилось в кустах, а люди принесли в жертву козу, тушу которой к себе в гнездо утащил орел. В шведских же версиях ячмень и куст не упоминаются совсем, а на жертвеннике лежит кусок мяса без уточнения, какому животному оно принадлежит. Во всех случаях Гозвинский стремится не отступать от текста оригинала, и, следовательно, уместнее выглядит вопрос, почему в шведском варианте отсутствуют некоторые, подчас существенные детали. Почему то обстоятельство, что волк из басни «Волк и журавль» подавился костью именно овцы, в шведской версии отмечается, а что лиса из басни «Лисица и орел» построила свое жилище в кустах — нет. Если в шведском варианте эзоповских басен предпринимается попытка дать читателю максимально полную и, по возможности, обоснованную информацию об описываемой сценке, то упоминание в басне «О Лисице и Орле» куста и жертвенной козы было бы логичным. В переводе Гозвинского отмечается, что жилище лисицы находилось в доступных для орла кустах, в то время как недостижимое для лисицы гнездо орла — на дереве; жертвенным же животным в басне называется именно коза, поскольку речь здесь идет о единичном случае, а не о практике. Точно так же необузданное веселье мула в русском переложении объясняется тем, что он был сыт и питался именно ячменем.

Дать исчерпывающее объяснение этой особенности шведских версий на нынешнем этапе исследования не представляется возможным, ограничусь лишь некоторыми наблюдениями. При сопоставлении русского и шведского вариантов басни «Орел и лисица» заметно, что в шведской версии лисица ведет себя чрезвычайно пассивно: она не выходит на охоту, не съедает выпавших из горящего гнезда орлят и не строит логово в кустах. Не сходя с места, лисица произносит гневную речь и радуется, когда орел и орлята на ее глазах сгорают в своем гнезде. О расположении ее жилища в шведском тексте говорится лишь, что орел и лиса были соседями, читается же басня с того, что орел похитил лисят и унес их на дерево к своим птенцам. Что касается отсутствия в шведской басне упоминания принесенной в жертву козы, то о похищении птицами мяса с алтаря в переводах басен Эзопа говорится неоднократно: например, в шведском и русском переложениях басни «Больной ворон» мать объясняет заболевшему ворону, что боги откажут ему в помощи, поскольку он регулярно воровал предназначенное им мясо, и отсутствие наименования живот-

ного в этом случае выглядит естественным. В шведских же переводах (в отличие от русских) в обеих баснях упоминается алтарь и в обеих баснях не указывается, какое именно животное было посвящено богам. О толстоте главного персонажа басни «Мул» говорится и в русской, и в шведской версиях, однако в шведском переложении на это качество хвастающийся мул указывает сам, и на том, что растолстел он благодаря ячменю, внимание не акцентирует за несущественностью этого обстоятельства («как толст и гладок я, как уверенно бегу я» [6, с. 206]). Для Балка важно лишь, что мул, по его мнению, ухожен и красив.

При этом шведский вариант басни «Орел и лисица» (как и басни «Мул») нельзя назвать сокращенным: в отличие от русской версии, он включает обращенную к орлу гневную речь лисицы и заканчивающиеся четверостишием рассуждения о терпении, шведская же басня «О Муле» содержит довольно пространную речь ее единственного персонажа. Как бы то ни было, в шведской версии эзоповских басен появляются детали, в буквальном переводе Гозвинского не встречающиеся, и, значительно реже, исчезают детали, в варианте Гозвинского сохраненные. Можно предположить, что некое неочевидное и нуждающееся в специальном исследовании правило, регулирующее использование переводчиком басен Эзопа предметных деталей, все-таки существует.

В шведской версии басни «Зайцы и лягушки» наличествующие в русском переводе детали не исчезают, а обобщаются. Так, во всех переложениях этой басни зайцы рассуждают о грозящей им опасности и перечисляют своих врагов: в русском варианте это люди, псы и орлы (в стоящем особняком списке из собрания Н.С. Тихонравова, № 249, перечень охотников на зайцев пространнее и включает ястребов, сов, псов и орлов³), в шведском тексте это птицы вообще, звери вообще и люди, которыми «ежедневно они бывают пленяемы, мучимы, убиваемы и поедаемы» [6, с. 137]. В русском варианте басни «Гадатель» волхв узнает, «яко въ его храмине двери сокрушенны всѣ и окна и вся яже внутрь быша, изнесенна» [2, с. 222]; в шведском же переложении говорится лишь, что воры «взломали дом» прорицателя и вынесли все имущество.

³ Собрание рукописных книг Н.С. Тихонравова. Ф. 299. № 249. Л. 404.

В шведских переводах примеры подобной детализации обнаруживаются, но в соответствующих им фрагментах русских переводов обобщение отсутствует: если в шведском варианте басни «Угольщик и сукновал» («О Белильщике и Угольщике») говорится, что угольщик имеет дело с дымом и сажей, то в русском тексте («О угольнике и о сапожнике») — с «прахом угольным» [2, с. 215], и, таким образом, в обоих переводах создается единый ряд атрибутов человека, работа которого связана с углем; если в шведском переложении басни «Мул» герой объявляет, что его отец-конь «был украшен золотой тканью и бархатным седлом», то в русской версии по этому поводу не говорится ничего.

По всей видимости, в шведских вариантах обнаруженная в текстах Гозвинского конкретизация предметов отсутствует в тех случаях, когда они упоминаются в рассказе участников события и связанное с ними действие осуществляется персонажами не главными, не названными в заглавии. Так, зайцы жалуются, что истребляются хищниками, а прохожий сообщает, что в дом проникли воры. Новые же детали в шведских версиях появляются, как правило, тогда, когда действие производится главным персонажем басни: на траве сидят лягушки («О Зайцах и Лягушках»), овцу съел волк («О Журавле и Волке»), а кашей обжегся человек («О Лесовике и Крестьянине»). Разумеется, исключения из этого правила существуют, и речь идет лишь о тенденции.

Одной из центральных тем переложения Гозвинского является, безусловно, тема мудрости и разума. О разуме говорится в стихотворном предисловии — «Виршах на Езопа» («Баснослагатель Езоп не украшен образом, // Прочитай же сего обрящется с разумом»), «премудрые» довольно часто упоминаются в кратких «толкованиях» басен: «притча знаменуетъ, яко премудрии челоѡвѣцы удобнѣ претерпевают от чюжих брани, егда увидятъ и ихъ самѣхъ с своими ся бранящихъ» («О алекторех и пелепелицѣ» [2, с. 214]), «притча знаменуетъ, яко премудрии челоѡвѣцы, егда нѣких мучительства искусят, не к тому прелстятся от нихъ лицемѣрсты» («О котѣ и о мышахъ» [2, с. 219]), «притча знаменуетъ, яко сице челоѡвѣцы разумнии ради своего спасения имѣния не щадятъ» («О бобрѣ» [2, с. 221]), «притча являетъ, яко премуд-

дрии челоуѣцы, егда в чем бѣдствующе спасутся, по вся дни живота своего сего хранятся» («О псѣ и волкѣ» [2, с. 221]), «притча являетъ, яко премудрии челоуѣцы врагов нашедшихъ к силнѣйшимъ посылати обыкоша» («О псѣ и о алекторѣ» [2, с. 221]), «притча являетъ, яко начальником не ради токмо красоты, но крѣпости ради и премудрости ради сильныхъ и премудрыхъ избирати подобаетъ» («О павѣ и о галкѣ» [2, с. 227]) «притча являетъ, яко премудрии от риторей, яже от враговъ уничижения благообразно в похвалу преобразаютъ» («О свинии и о сукѣ» [2, с. 232]), «притча являетъ, яко премудрии челоуѣцы от вредныхъ и видимыхъ бѣд отбегаютъ» («О лвѣ и о лисицѣ» [2, с. 253])).

В «толкованиях» шведских переложений тема мудрости возникает не реже, чем в русских: в морали первой же басни «О Курице и Жемчужине» упоминаются «все искусства и мудрость» [6, s. 64], в морали басни «О двух Собаках» отмечается, что «от вреда бывает муж мудрым» [6, s. 196], в морали басни «О Льве и Лисице» говорится, что левоверным не бывает «мудрый муж» [6, s. 153], басни «О Павлине и Галке» — что выбранный правитель должен быть мужественным, душевным, добродетельным и разумным [6, s. 177], а басни «О Лисице и вырезанном Идоле» — что «лучше быть несмелым, бедным и простолюдином, но мудрым и разумным, чем статным, богатым и великодушным, но неразумным, непонимающим и прекрасным животным» [6, s. 130]; в напечатанном в оглавлении лаконичном «нравоучении» к этой басне говорится, что «лучше быть уродливым и разумным, чем прекрасным, но без ума и разума».

В «толкованиях» русской и шведской версий басни «Лягушки» (рус. «О жабах», шв. «О двух мучимых жаждой Лягушках») говорится о разумности и необходимости обдумывать поступки, но лишь в шведском варианте басни (не «толкования») специально указывается, что одна лягушка «была умнее и рассудительнее другой». В текстах русских басен и применительно к их персонажам мудрость, кажется, не упоминается, а о ее отсутствии говорится крайне редко: например, в той же басне «О лисице и харе» лиса обращается к маске со словами: «о сицевая глава — точию мозгу и разуму не иматъ» [2, с. 215]. При этом в шведских переложениях о глупости или наивности персонажа речь заходит достаточно часто: отцом мула оказывается не «грациозный конь», а «глуповатый осел» («О Муле»), «придурковатым ослом»

назван разоблаченный персонаж басни «Об Осле в львиной шкуре» [6, s. 151], в басне «О Мышах и Кошке» кошка ошибочно полагает, что мыши, которых она намеревается «пленить и умертвить», «недалекие», в басне «О Рыбаке и маленькой Рыбке» рыбак заявляет, что будет дураком, если согласится выполнить просьбу пойманной рыбки и на время ее отпустить [6, s. 142], в басне «О Курице, которая несла золотые яйца» крестьянин, решивший, что золотonosная курица должна и сама быть золотой, назван дураком [6, s. 124], в напечатанной в приложении басне Лютера «О Геркулесе и Омфале» говорится, что, «по словам язычников», «в последнее время Геркулес позволял женщинам делать из него дурака» [6, s. 236], в «толковании» басни о горе, родившей мышь, упоминаются «сплетни и дурость» [6, s. 124].

С другой стороны, в шведских переводах басен неразумным называется персонаж непосредственный и за свою простоту достойный награды: например, в басне «О Крестьянине и Меркурии» сказано, что в крестьянине, уронившем в воду топор, Меркурия привлекли «наивность и честность». О разумности (мудрости) и простоте (глупости) говорится и в предваряющем текст басен предисловии Лютера, «языческая мудрость» и «простая, наивная, детская книга, которая называется Эзоп», упоминаются в его же чрезвычайно кратком «рассуждении» о баснях Эзопа.

Таким образом, в одном шведском тексте премудрость и глупость могут упоминаться вместе и подчас создавать оппозицию (причем не только «мудрость» – «простота», но и как в басне «О Крестьянине и Меркурии» — «непосредственность» – «корыстолюбие»). В русском же переводе, где о премудрости говорится, как правило, в «толкованиях», подобные оппозиции не создаются. Кажется, и появление в шведском тексте нелепых «дураков», и обилие связанных с главными персонажами басни предметов объясняется желанием сделать текст доступным и привлекательным для простецов. Они должны обладать полным объемом информации, но лишь касающейся основной сюжетной линии, и, кроме общих представлений о «премудрости», различать героев умных и потешно глупых (количество которых преобладает, но таковыми они названы лишь в тексте Балка).

При этом шведский читатель, каким бы простецом он ни был, обладал некоторыми знаниями о древних монархах, героях и даже античных авторах, находил в «толкованиях» имена и названия, отсут-

ствующие в точном переводе Гозвинского, и был готов воспринимать рассуждения, имеющие отношение к нынешней политической ситуации. Например, в басне «О дворовой Собаке и о комнатной Собаке» упоминаются мечи апостола Петра и Роланда, в басне «О Льве и Лисице» называется отказывавшийся короноваться в Риме император Рудольф (он же появляется в «толковании» этой басни в “*Theatrum morum*” (1608) Э. Садлера, и там значится как император Рудольф I (1218–1291) [8, p. 33]), в басне «О Крестьянине и Меркурии» цитируется «язычник Софокл» [6, s. 194], а в морали басни «О Мыши и Лягушке» утверждается, что во время междоусобных войн и непокая непременно приходят «турки или другие тираны» и побеждают обе стороны [6, s. 126].

Содержащая упоминание императора Рудольфа басня «О Льве и Лисице» входит в основанную на материале сборников Э. Саделера и Й. ван ден Вондела книгу А. Виниуса «Зрелище естества человеческого» (1674) [1]. Для перевода же Гозвинского характерно отсутствие не только имен героев Средневековья, но и характерных для переложения Балка повторяющихся элементов повествования, неоднократного наименования персонажей глупцами или регулярного сообщения дополнительных предметных деталей, связанных с действиями названных в заголовках басен животных.

Отдельный вопрос — использование материала басен Эзопа в шведских и русских сборниках пословиц, составленных во второй половине XVII в. Как и в случае с переводами басен, материал для сопоставления дают шведское издание (“*Penu Proverbiale*” Х.Л. Груббе (1594–1681), Linköping, 1665 [7]) и русская *рукописная книга*, описанная П. Симони [4]. Оба сборника включают относительно краткие предисловия, пословицы в них располагаются в алфавитном порядке, и некоторые из них (правда, весьма немногочисленные) связаны с текстами Эзопа. Формы же взаимопроникновения басен и пословиц в русском и шведском сборниках достаточно разнообразны и друг от друга отличаются. Так, в шведской книге 1665 г. обнаруживается та же пословица, что и в концовке 44 басни Эзопа «О Рыбаке и маленькой Рыбке»: «Лучше птица в руке, чем две в лесу» [7, s. 66; 6, s. 142]. В шведском переводе басни таким образом разумный рыбак отвеча-

ет на просьбу пойманной им рыбки позволить ей вырасти, в “*Penu Proverbiale*” эта пословица сопровождается кратким разъяснением и ссылками на варианты Теренция и «немцев». В комментариях же к пословице «Собственную вину плохо видеть» приводятся ее разные варианты, в том числе Эразма и Эзопа [7, s. 180]. И, наконец, среди собранных в “*Penu Proverbiale*” шведских пословиц читается и соответствующая басне № 50 «Об Осле в львиной шкуре»: «Хотя осел будет одет в львиную шкуру, его выдадут уши» [7, s. 202]. При этом в сопровождающих пословицу комментариях упоминается Эразм, но не Эзоп.

В русских же сборниках XVII в. — переводе басен Эзопа и «пословицах всенароднейших», собранных, возможно, Евфимием Чудовским, — комментарии отсутствуют, и речь может идти лишь о бытовании пословиц на сюжеты эзоповских басен. Правда, как и в шведском, в русском сборнике обнаруживается всего один пример такого рода: восходящая к басне «О львѣ и жабе» пословица «Жаба гласом устрашает льва» [4, с. 104]. В отличие от шведской, русская пословица кратким переложением басни Эзопа не является, и понять ее смысл довольно сложно. Примечательно, что составителя сборника, включающего подборку русских пословиц, басни Эзопа интересовали, и их перевод, в том числе и басни о льве, испугавшемся кваканья, входит в указанную рукописную книгу [4, с. 56].

Всестороннее исследование бытования сюжетов басен Эзопа в русской и шведской литературе раннего Нового времени предполагает привлечение многочисленных военных панегириков. Так, обильный материал для сопоставления дают русские и шведские победословия эпохи Северной войны 1700–1721 гг.: например, шведские авторы отождествляют врага с вороной в орлиных перьях, русские — с ослом в львиной коже. Однако тема эта весьма обширна и требует специального исследования. Предложенные же примеры позволяет выявить и, по возможности, объяснить некоторые особенности переводов басен Эзопа, не заметные при исследовании лишь русских или шведских вариантов текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- 1 Коренева М.Ю., Михайлова И.М. К вопросу о европейских источниках «Зрелища естества человеческого» (1674) // Скандинавская филология. 2016. Т. 14, № 1. С. 81–91.
- 2 Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р. Эзоп на Руси. Век XVII. Исследования. Тексты. Комментарии. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 546 с.

Источники

- 3 Басни Эзопа / пер., ст. и коммент. М.Л. Гаспарова; отв. ред. Ф.А. Петровский. М.: Наука, 1968. 320 с.
- 4 Симони П.К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1899. 344 с.
- 5 Geschichte der deutschen Literatur von den Anfängen bis zur Gegenwart. Bd. 4: Die deutsche Literatur vom Späten Mittelalter bis zum Barock. T. 2: Das Zeitalter der Reformation, 1520–1570. München, 1973.
- 6 Hundrade Esopi Fabler / någre aff D.M: Luthero/ somblighe aff Mathesio / och en deel aff Nathanaele Chytraeo/ på thet Tyska Språket tilhopadragne... Tryckt i Stockholm aff Anund Olufson. Anno, 1603. 252 s.
- 7 Penu Proverbiala Dhet är: Ett ymnigt förråd aff allehanda Gambla och Nyia Swenska Ordseeder och Lährespråk... Tryckt i Linköping aff Daniel Kämpe. Åhr, 1665. 920 s.
- 8 Sadeler G. Theatrum morum; artliche Gespräch der Thier mit wahren Historien den Menschen zur Lehr. Aegidius Sadeler excud. Prag, 1608. 270 p.
- 9 Vondel J. Vorstelijcke Warande der dieren... Met exempelen uyt de oude historien, in prose; ende uytleggingen, in rijm verklaert, door J. v. V. Verciert met... afbeeldingen, in koper gesneden, door Marcus Gerards... Amsterdam, 1617. 125 p.

REFERENCES

- 1 Koreneva, M.Iu., Mikhailova, I.M. “K voprosu o evropeiskikh istochnikakh ‘Zrelishcha estestva chelovecheskogo’ (1674)” [“On the Issue of European sources ‘The Spectacle of Human Nature’ (1674)’]. *Skandinavskaja filologiya*, vol. 14, no. 1, 2016, pp. 81–91. (In Russian)
- 2 Tarkovskii, R.B., Tarkovskaia, L.R. *Ezop na Rusi. Vek XVII. Issledovaniia. Teksty. Kommentarii* [Aesop in Russia. 17th Century. Research. Texts. Comments]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2005. 546 p. (In Russian)

Информация об авторе: Михаил Юрьевич Люстров — доктор филологических наук, профессор РАН, заведующий отделом древнеславянских литератур, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия; профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., д. 6, 125993 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8475-0700>

E-mail: mlustrov@mail.ru

Information about the author: Mikhail Yu. Ljustrov, DSc in Philology, Professor of the Russian Academy of Sciences, Head of Old Slavic Literature Department, 1) A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia; Professor, 2) Russian State University for the Humanities, Miusskaya sq. 6, 125993 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8475-0700>

E-mail: mlustrov@mail.ru

Для цитирования: Люстров М.Ю. Дидактико-назидательные сочинения в русских и шведских переводах начала XVII в. // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 21 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 280–293. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-280-293>

© 2022, М.Ю. Люстров

For citation: Ljustrov, M.Yu. “Didactical and Educational Works in Russian and Swedish Translations of the Beginning of the 17th Century.” *Germevenitika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Issue 21. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 280–293. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-280-293>

© 2022, Mikhail Yu. Ljustrov